

Предисловие автора к русскому изданию

К большой для меня чести, русский читатель может теперь познакомиться с моей книгой об Иисусе на своем родном языке. Когда-то было не так-то просто открыто говорить о том, что человек Иисус вообще существовал. Совершенно немыслимо, чтобы в ту пору в России появилась книга, написанная евреем, который к тому же живет в той стране, где некогда жил Иисус. Сегодня книгу еврейского автора об Иисусе, пришедшую с его родины, сделать достоянием читателей России уже совсем не трудно.

Мне кажется, что восстановить образ Иисуса в сознании русских людей помогает одно важное обстоятельство. Я не знаю другого народа, в широких слоях которого так много значил бы Иисус-человек — проповедник и пример для подражания. Я не знаю другого народа, в душевной жизни которого столь большую роль играли бы человеческие страдания Иисуса. Мне трудно допустить, что церковный или иной тоталитаризм смог до конца уничтожить в русских людях ростки этого осознанного стремления к Иисусу, этой любви к Иисусу, которая заставляет его подражать. Я верю, что моя робкая надежда не окажется пустой иллюзией.

Эта надежда основана на опыте, который я вынес из чтения русской литературы и общения с выходцами из России. Я заметил, что многие русские выгодно отличаются от представителей самых значительных течений современной западной мысли. Уже в XVIII в. немецкий мыслитель Лессинг говорил о диаметральной противоположности религии Христа и христианской религии. Иными словами, на Западе существует опасная тенденция противопоставлять веру Иисуса и веру в Иисуса. При нынешнем упадке веры значение веры во Христа всячески подчеркивается за счет того, что имело принципиальное значение для самого Иисуса. Напротив, в русской религиозной традиции христианская религия не заглушила личную веру Иисуса. Образ и неповторимый голос Иисуса в русском народе забыты меньше, чем где бы то ни было. Потому-то я и лелею надежду, что моя книга об Иисусе на русском языке найдет немало читателей.

Мне кажется, что именно сейчас, на переломе человеческой истории, перед лицом угрожающей неизвестности, было бы со всех сторон полезно при судьбоносных решениях, определяющих будущее человека, учесть и голос «исторического» Иисуса. Надо надеяться, что такой минимальный демократизм по отношению к Иисусу проявят не только церковные люди, но и неверующие. Существует же обычай обращаться за советом к мудрецам и философам! Даже тот, кто ничего не знает о вере, не будет

спорить с тем, что Иисус высказывал мнения по разнообразным личным и общим проблемам, которые затрагивают нас и сегодня. Конечно, с этими мнениями не обязательно соглашаться, но по меньшей мере обсуждения они заслуживают.

Чтобы правильно судить об образе мыслей и личности Иисуса, желательно кое-что узнать о еврейской религии и еврейском обществе, в котором жил Иисус. То, что Иисус был евреем, само собой понятно, и я не хотел бы здесь это подчеркивать. Я не встречал никаких препятствий, когда говорил об этом на своей родине в Чехии, при Масарике, вплоть до прихода Гитлера. Однако я отдаю себе отчет в том, что здесь мне не стоит слишком много говорить об Иисусе как о еврее, потому что тайна зла уже снова в действии (см. 2 Фес 2:7). То, что было скрыто, было удержано (там же, ст. 6 и 7), сейчас — здесь, и обильными речами я едва ли смогу образумить тех, кто находит удовольствие в неправде (там же, ст. 7, 12). Но не могу и совсем промолчать хотя бы по чисто педагогическим соображениям. Среди ученых я отнюдь не единственный, кто на основании критического анализа источников пришел к выводу, что Иисус был верным своей религии евреем и что он был убит оккупационными властями в качестве такового. На протяжении человеческой истории подобная судьба постигла миллионы его братьев по крови. Если моя книга хоть немного помогла читателю осознать, что жизнь Иисуса — это жизнь еврея, она тем самым облегчила правильное восприятие слов Иисуса и понимание его судьбы. Кто поставит мне в упрек то, что я отдаю свои силы и знания, чтобы сделать доступным для людей достоверный образ Иисуса?

Несколько замечаний собственно о книге. В главе «Происхождение» я повторяю распространенное мнение о том, что во времена Иисуса не было известно ни одного потомка царя Давида^[1]. А значит, последователи Иисуса, видевшие в нем долгожданного Мессию, лишь задним числом объявили его «сыном Давида», тем самым узаконив его мессианское звание. Однако, как оказалось, это мнение не вполне оправданно. А именно, как выяснилось, правы те немногие ученые, которые предполагали, что тогда среди евреев было немало потомков Давида. Я и сам представил свидетельство в пользу этого предположения, опубликовав в одном научном журнале (*The Israel Museum Journal, Jerusalem, 1986, vol. 5, p. 37–40*) надпись на гробнице времен Иисуса, которая гласит, что там лежат кости тех, кто происходит «из дома Давида». Так что, если бы оказалось, что Иисус и на самом деле был потомком царя Давида, он не был бы белой вороной.

Выяснилось также, что мое изображение сцены распятия Иисуса, вероятно, требует одной немаловажной поправки. Когда я писал свою книгу, мне уже было ясно, что «евангелие по Марку представляет собой существенно переработанный древний рассказ». Однако из этого факта я тогда не сделал необходимых выводов. Между тем

Марк изображает Иисуса как эдакого одинокого чудотворца. Его не понимает никто, даже собственные ученики, апостолы. По Марку (которому следует Матфей), даже на пути к смерти он одинок среди своего народа, всеми оставлен и ненавидим, а его ученики сбежали в момент ареста.

В самом конце его бранит и распятый вместе с ним разбойник, и, умирая, он уверен, что даже Бог его оставил.

Однако, сравнивая этот сильно стилизованный образ Марка с рассказом о распятии Иисуса у Луки, а также у Иоанна, нетрудно убедиться, что, хотя многие детали у Марка (а потому и у Матфея) можно считать историчными, в целом перспектива, в которой Марк видит события, создана его особенной точкой зрения. То, что Марку удастся быть убедительным, можно увидеть на примере моей книги. Созданный им образ одинокого, оставленного всеми, идущего на смерть человека Иисуса, непонятого и поносимого людьми, так сильно меня увлек (а я, естественно, находился под влиянием современного экзистенциализма), что я, в общем, следовал ему, когда писал о распятии Иисуса. Более того, вымышленное немое одиночество Иисуса на судебном процессе я подкрепил в том же стиле цитатой из «Процесса» Кафки (см. главу «Смерть»)! Позднее я изменил свою точку зрения (см. мое исследование «Распятый и евреи» в сб. трудов: Flusser D. Entdeckungen im Neuen Testament. Bd. 1, Neukirchen, 1987, S. 197–209).

Хотя эта проблема и очень важна, я должен быть краток. По Марку, Иисус в момент своей смерти всеми покинут и всем ненавистен. Только обращенный язычник, римский центурион, объявляет себя его сторонником (Мк 15:39), да издали следят за ним женщины, которые и раньше за ним следовали (Мк 15:40–41). Рассказ Луки, напротив, менее теологичен и более историчен: Иисус идет на смерть в сопровождении своего народа. Такое сочувствие понятно. Ведь в течение всего времени, пока Иисус учил в Иерусалиме, массы были на его стороне, и первосвященники не осмеливались арестовать его на глазах у всех, так как «боялись народа» (Лк 20:19; Мк 12:12). Когда же римляне его распяли и на кресте повесили оскорбительную для евреев надпись, какие еще чувства мог испытать любой еврей при виде этой картины, кроме чувства горя и сострадания к мученику, жертве жестокости римлян?

Однако, усиливая мрачность своего образа, Марк (а за ним и Матфей) опускает плачущих женщин, сопровождавших Иисуса на его крестном пути, и потрясающие слова Иисуса, обращенные к жительницам Иерусалима (Лк 23:27–30). Другая картина у Луки, согласно которому за Иисусом к месту казни шла большая толпа евреев и

среди них много женщин. По обыкновению того времени, шествие сопровождалось погребальным плачем, и Иисус со словами сердечного сочувствия обратился к рыдающим жительницам Иерусалима. А когда Иисуса распяли, «народ стоял и смотрел» (Лк 23:35). В третий раз толпа упоминается, когда Иисус умер: «И вся толпа, собравшаяся посмотреть на зрелище, увидев, что произошло, разошлась по домам, ударяя себя в грудь» (Лк 23:48).

Какая волнующая и ум, и сердце, правдивая по своему смыслу картина! Нашему поколению, которое видело так много бесчеловечного, которое потеряло столь много своих братьев убитыми и казненными, не требуется никаких усилий, чтобы присоединится к скорби о Распятом: его смерть — прообраз всех мученических смертей. Согласно христианскому учению, она вмещает, в сущности, всех замученных и умерших насильственной смертью за всю историю. Быть может, мысль о смерти Иисуса, а также его живая проповедь о любви кого-то побудят сегодня пересмотреть свою жизнь, сделают его более человечным, уменьшая тем самым угрозу бесчеловечности, или, по крайней мере, кому-то помогут вынести возможные проявления бесчеловечности. Дай Бог, чтобы моя книга на русском языке хотя бы в малой мере этому способствовала!

Давид Флуссер Иерусалим 29 апреля 1990 г.